

МЕТОДОЛОГИЯ *METHODOLOGY*

Стихийный спрос на институциональные изменения: к поведенческой теории общественного выбора

А.Е. ШАСТИТКО*
О.А. МАРКОВА**

* **ШАСТИТКО Андрей Евгеньевич** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: aes@ranepa.ru

** **МАРКОВА Ольга Анатольевна** – ассистент кафедры конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ, главный эксперт Института конкурентной политики и регулирования рынков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: 119571, Москва, Ленинские горы 1, стр. 46. E-mail: markovaoa@outlook.com

Изменение сложившегося *status quo* большинства современных людей, живущих в рутине повседневности, может быть связано с выходом из зоны комфорта и значительным снижением качества жизни. В связи с этим интересен вопрос о причинах сознательного выбора индивида участвовать в стихийном протесте, который, в свою очередь, может способствовать деградации существующего социального порядка. В данной статье авторы обсуждают вопрос о возможных причинах возникновения стихийного спроса на институциональные изменения в терминах теории общественного выбора с применением наработок поведенческой экономики. Рассмотрены вопросы конституционного выбора в свете спонтанных изменений и связанные с ними эффекты снежного кома, владения (обладания), скрытой радикализации настроений и фокальных точек. Раскрыты возможные риски, связанные со спонтанным спросом на изменения.

Ключевые слова: конституционный выбор, теория общественного выбора, поведенческая экономика, эффект владения (обладания), фокальные точки

DOI: 10.31857/S086904990009198-9
JEL: D03, D72, H10, K16

Цитирование: Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020) Стихийный спрос на институциональные изменения: к поведенческой теории общественного выбора // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 132–144. DOI: 10.31857/S086904990009198-9

Spontaneous demand for institutional changes: towards behavioral public choice theory

Andrey E. SHASTITKO*

Olga A. MARKOVA**

***Andrey E. Shastitko** – doctor of science (Economics), professor of the Center for Research of Competition and Economic Regulation in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), head of Department for Competition and Industrial Policy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: 84, build. 9, off. 1904, Vernadsky av., Moscow, 119571. Russian Federation. E-mail: aes99@yandex.ru

****Olga A. Markova** – PhD student, teaching assistant of Department for Competition and Industrial Policy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, junior researcher of the Center for Research of Competition and Economic Regulation in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), chief expert of the Institute for competition policy and market regulation in the Higher school of economics (HSE). Address: MSU, Faculty of Economics, Russia, 119991, Moscow, GSP-1, 1-46 Leninskiye Gory. E-mail: markovaoa@outlook.com

Abstract. The shift from the status quo of the majority of modern, people, who followings the everyday routine be associated with leaving their comfort zone and even with a significant decrease in quality their life. In this respect, one can question the possible reasons of why people choose to spontaneously protest and even take part in riots, that may likely lead to degradation of the existing social order. The authors discuss the possible causes of spontaneous demand for institutional changes using the results from public choice and behavioral economics literature. Particularly, the authors consider the issues of constitutional choice in the light of spontaneous changes, focal points and the snowball, endowment, latent radicalization effects. The authors conclude with the possible risks associated with spontaneous demand for institutional changes.

Keywords: constitutional choice, public choice, behavioral economics, endowment effect, focal points

DOI: 10.31857/S086904990009198-9

JEL: D03, D72, H10, K16

Citation: Shastitko A.E., Markova O.A. (2020) Spontaneous demand for institutional changes: towards behavioral public choice theory. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 132–144. DOI: 10.31857/S086904990009198-9 (In Russ.).

Современная жизнь, в которой человек опутан множеством связей в рутине повседневности и отклонение (особенно длительное) от этой рутины сопряжена со значительным дискомфортом (иногда говорят о выходе из зоны комфорта), делает вполне резонным вопрос, зачем простому обывателю менять что-либо, даже если многое из существующего в социальном порядке в формате *status quo* его не устраивает. Почему люди, на первый взгляд бесконечно далекие от политики, не говоря уже об участии в протестных мероприятиях (формальная законность некоторых из них еще и ставится под сомнение), тем не менее участвуют в различных акциях протеста? Из простого любопытства? В результате рационального выбора? Если да, то на чем основанного? Указанные вопросы, приближенные к формату бытовых и актуализированных с учетом особенностей момента, вполне могут быть поставлены уже в более академическом ключе с применением инструментария теории общественного выбора и поведенческой экономики.

Основная задача данной статьи – представить возможное объяснение феномена стихийного спроса на изменения через формулировку гипотез, основанных на синтезе разработок в области теории общественного выбора и поведенческой экономики. Мы не претендуем на эмпирическую проверку сформулированных предположений и на то, чтобы дать

исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Наоборот, это статья направлена на формирование исследовательской программы в рамках внутри- и даже междисциплинарного дискурса для лучшего понимания механизмов спроса на институциональные изменения.

Конституционный выбор в свете спонтанных изменений

В теории общественного выбора один из центральных вопросов – взаимодействие спроса на право и предложения права [Меркуро, Медема 2019, с. 297]. Есть конституционная часть вопроса, основанная на поиске общего согласия в правилах. Данные правила с точки зрения всех (или подавляющего большинства) участников не приведут к ухудшению положения, а наоборот, помогут в решении общих вопросов управления процессами принятия решений по созданию других правил [Buchanan 1975].

Результаты конституционного выбора – пожалуй, один из наиболее ценных и вместе с тем наименее заметных, артикулируемых среди рутинных, повседневных решений людей. Не очень различимы они в том числе потому, что распределительные и координационные эффекты такого выбора опосредованы множеством норм другого порядка, с одной стороны, а также наследуемы – с другой. Но не только поэтому, но и в силу максимального согласия (как предполагается, с учетом соблюдения процедуры достижения результата, коим должны быть формулировки конституционных правил, если они зафиксированы в документе) и рассмотрения их в качестве само собой разумеющихся компонентов институциональной структуры общества (включая и некоторые социальные нормы).

Значение конституционного выбора и его последствий можно оценить двумя способами: методом позитивного исследования и методом естественного эксперимента. Первый метод, соответствующий тому, что теперь называют идеационным поворотом в исследованиях [Тамбовцев 2019], позволяет оценить значимость того, что есть, или того, от чего отказываемся, с помощью нового знания – идей, которые могут в том числе оказывать влияние на вектор политики.

Второй метод – эксперимент на практике по принципу “было и не стало – каковы эффекты?”, примером которого может быть, например, отказ от сложившихся практик в силу убеждений о преимуществах пока не реализованных альтернатив [Hayek 1944]. Второй метод – наиболее дорогой (особенно это становится очевидным *post factum*), хотя и вполне наглядный. Дороговизна его состоит не столько в том, что нарушается фундаментальное равновесие, сопряженное с потерями каждого из индивидов, но и в том, что восстановить это равновесие или даже приблизиться к нему крайне сложно. Возможно, даже сложнее, чем если бы конституционный выбор осуществлялся с чистого листа.

Что может привести к разрушению результатов конституционного выбора, если это не внешнее воздействие? Иными словами, в каких случаях можно говорить об эндогенном происхождении нарушений равновесия как результата конституционного выбора? На наш взгляд, ответить на этот вопрос поможет теория общественного выбора, однако теперь уже – с применением поведенческого компонента, в котором учитываются ограниченная рациональность действующих лиц, совершаемые ими когнитивные ошибки, но при условии, что не отрицается главное: именно люди принимают решения, действуя в соответствии с собственными интересами и в меру своей неосведомленности. Причем, сами интересы рассматриваются не в качестве объективированных (основанных на полной рациональности индивидов), а отрелексированных людьми посредством прагматических фильтров, свойства которых сами меняются в зависимости от места и времени их применения. Данный тезис означает возможность корректировки представлений индивидов о значимых причинно-следственных связях, которые являются источником структурирования экономических интересов действующих лиц.

Коллективные решения в рамках институционального выбора (и на основе конституционного) – это всегда компромисс, оформленный в соответствующую процедуру трансляции индивидуальных предпочтений в действия, которые имеют вполне определенные распределительные результаты (как минимум, *ex post*). И если эти результаты по каким-то причинам оказались “ошибочными” (отличающимися от ожидаемых участниками процесса принятия решений), то посредством действия петли обратной связи решение корректируется и устанавливается новое равновесие. Однако так функционирует идеальная схема. В реальности же механизм обратной связи может не срабатывать. Одно из оснований, о котором пишут исследователи в теории общественного выбора (и не только они) – несовершенные политические рынки, в которых соответствие спроса на право и его предложения если и воспроизводится, то в порядке исключения. (Отсюда, кстати, можно делать заключения об основаниях идеи о минимальном правительстве). Вместе с тем степень и характер несоответствия спроса на право и его предложения может иметь значение с точки зрения объяснения поведения избирателей так же, как и других участников политического рынка – законодателей, политиков и бюрократов.

Наиболее тяжелой в долгосрочной перспективе оказывается ситуация, когда инфраструктура политических рынков устроена таким образом, что подавляющее большинство избирателей (обладателей формального права голосовать и тем самым быть услышанными) не имеет надежного канала обратной связи: возможности сигнализации о неприемлемости для них принимаемых институциональных решений (правил) – постконституционного выбора. Тогда как небольшие и организованные группы специальных интересов добиваются распределения в свою пользу выигрышей (доходов, дополнительных прав и т.п.). Причем происходит это не случайно (по принципу “так получилось”), а систематически, можно даже сказать, заранее известным образом (когда общий принцип понятен и регулярно подтверждается, а нюансы уже принципиального значения для выстраивания полной картины не имеют). Возможно, действие одной группы, приводя к небольшому уменьшению благосостояния значительной части конститuentов (относительно их оценок и ожиданий) будет иметь следствием только легкое раздражение, а в ряде случаев последствия могут быть даже практически незаметны. Однако – и в этом как раз принципиальное отличие закономерности от случайности – повторяющиеся решения, связанные с такого рода распределительными результатами, способны сформировать сначала сильные фрустрации, а затем – протест.

Как известно, этот протест может быть канализирован в рамках выборов (“голос”) и голосования ногами [Hirschman 1970]. Так, выбор протестной активности можно рассматривать как пространство потенциальных выборов, в которых голосование ногами становится одним из крайних решений, а отказ от протеста – другим [Hotelling 1929; Downs 1957]. При этом индивиды могут выбирать собственную степень участия в протесте. Канал “голос” представляет промежуточные решения, различающиеся степенью радикальности: сюда входит, например, подвариант в виде деятельности парламентской оппозиции, в функции которой должна входить помощь в распутывании клубка распределительных конфликтов, подрывающих (в случае возникновения кризисных ситуаций) легитимность (не стоит путать с легальностью, формальной законностью) существующей системы, а не только существующей власти (решающей коалиции). Строго говоря, это и в интересах самой оппозиции (парламентской) в том смысле, что и оппозиционные законодатели тоже заинтересованы в представлении своих избирателей, которые вполне могут задать вопрос, а зачем вообще нужен такой парламент (в том числе и косвенно – стихийным бойкотом выборов).

В этом плане применение нормы о признании выборов состоявшимися, если на них пришли, например, не менее 25% имеющих право голоса – формально выход из положения, но с точки зрения обеспечения легитимности результатов и последующих ре-

шений – слабое утешение. Тут заслуживает внимания проблема компромисса между интенсивностью дискуссий в парламенте и интенсивностью стихийного протеста (что не означает полной взаимоисключаемости двух процессов). Например, в XIX и XX вв. элиты могли расширять избирательные права (*electoral franchise*) для предотвращения социальных волнений [Acemoglu, Robinson 2006; Przeworski 2009; Dasgupta, Ziblatt 2015]. Примеры многообразны: от эквитов (всадников) в Древнем Риме до суфражисток конца XIX – начала XX в. в первую очередь в США и Великобритании.

Однако умножение указанных выше последствий институционального выбора, формирующее нечто вроде “снежного кома”, когда необходимо принимать множество решений в условиях “плохой” информационной инфраструктуры рынка (что вполне возможно при параллельном осуществлении множества изменений – разумеется с наилучшими публично озвученными намерениями со стороны их инициаторов), создает эффект общего неприятия сложившейся ситуации, когда уступки или положительно воспринимаемые иные события, если и дают эффект, то лишь краткосрочный и незначительный. Почему именно “снежный ком”? Попробуем описать некоторые важнейшие элементы данного эффекта.

Сначала проблема может быть небольшой, причем настолько, что ее игнорируют (если отсутствует система управления/реагирования на слабые сигналы). Однако постепенно она обретает более масштабные черты, обрастая все новыми и новыми элементами, которые ранее и вовсе казались не связанными. И наконец, в довершение индивид воспринимает то, что изначально казалось незначительным как одну большую проблему, не будучи в состоянии отделить один ее компонент от другого (эффект дополняемости для ограниченно рациональных индивидов). Технически структурировать проблему все еще возможно, но практически (с учетом издержек) это может оказаться затруднительно ввиду отсутствия достаточного ресурса, в том числе времени и компетенций модераторов, чьи усилия направлены на то, чтобы заново структурировать проблемы и отделить приемлемое от неприемлемого. А если предположить, что таким модератором оказывается сторона, обладающая властью, то проблема упирается в объяснение характеристик власти, которая не может (не имеет достаточных стимулов) предложить дешевые, но “качественные” услуги по модерированию даже при наличии неявного спроса на них.

Более того, экономические сложности (в частности, экономические кризисы) способны приводить к драматическим изменениям в политической системе: приоритеты государственной политики могут изменяться, что выражается в появлении новых программ, лозунгов, лидеров [Grigoryev, Pavlyushina 2020]. Вспомним: рост поляризации политических партий в условиях экономической нестабильности наблюдался во время Четвертой республики во Франции, Первой итальянской республики (1948–1992), Веймарской республики [Pelizzo, Babones 2007].

Экономически дешевле может оказаться поиск заменителей. Один из способов такого варианта – ротация элементов в системе обратной связи, позволяющая, пусть на какое-то время отделить свойства системы от характеристик конкретных элементов (персоналий). В числе классических вариантов – отставка правительства, чистка элиты, представленная как антикоррупционная компания (Бразилия во втором десятилетии XXI в.¹), роспуск парламента, изменение системы выборов (в Италии после антикоррупционного расследования “Чистые руки”) или проведение внеочередных выборов, изменение системы представительства, изменение названия или ребрендинг правящей партии (коалиции). Представленный перечень возможностей ротации элементов в системе обратной связи неисчерпывающий: могут быть реализованы другие новые и гибридные формы ротации.

¹ См, например, описание операции “Авомойка” (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/04/13/provintsialnie-prokurori-v-brazilii-raskrutili-samii-gromkii-korrupsionnii-skandal>).

В этом случае возникает эффект “усталости от *status quo*”, который еще не означает противодействия ему, но указывает на ограничения в части возможностей воспроизводства *status quo* в условиях внешних шоков, особенно если это воспроизводство требует поддержки и тем более если такая поддержка сопряжена и с определенными издержками. Этот момент можно рассматривать как фазу скрытой радикализации настроений (СРН), когда индивиды могут изменять степень поддержки революционной активности и протестов [Shadmehr 2015]. СРН, возможно, замеряема, но косвенно, на основе теоретической модели, которая, насколько известно авторам, пока еще не создана и не опробована. Один из возможных и наиболее показательных примеров – значительный разрыв между результатами подсчета голосов и предварительными опросами на президентских выборах в США 2016 г. [Enns, Lagodny, Schuldt 2017]. Возможно, здесь может оказаться полезной аналогия с цунами, непосредственно перед которым на берегу наступает краткосрочный отлив (затишье).

С позиции отдельного индивида механизм “снежного кома” тесно связан с ограниченными возможностями относительно усвоения информации о причинно-следственных связях в сферах, затрагивающих его интересы, а также с накоплением воспоминаний преимущественно с отрицательной коннотацией [Rozin, Royzman 2001]. Соответственно, даже если первоначальный настрой индивида состоит в том, чтобы разобраться, что к чему (кооперативный вариант поведения в рамках стратегии копирования – TIT-FOR-TAT), то в ситуации со “снежным комом” возникает презумпция неприятия, причем, вполне возможно даже в тех случаях, когда изменения для рассматриваемого индивида вполне безобидны или даже могут принести какую-то незначительную выгоду (здесь может сработать эффект рациональной неосведомленности с отрицательным знаком).

Более того, возникают проблемы со стороны тех, кто, как кажется, контролируют решающую коалицию (концепция которой многократно обсуждалась в экономической науке в связи с формулировкой [Arrow 2012] теоремы о невозможности). Предложенные изменения сами по себе являющиеся уступкой, могут быть истолкованы не как способ конструктивно разобраться в проблеме, а как проявление слабости. Для того чтобы разобраться в проблемной ситуации, может потребоваться не только много времени, но и значительные интеллектуальные усилия (что, кстати, наглядно и популярно далеко не всегда можно “продать” конституентам), тогда как вариант игнорирования или подавления недовольства предполагает, что решение будет найдено быстро, без рефлексии, с опорой на формальные основания использования того, в чем у государства, по определению, всегда должны быть сравнительные преимущества – в применении или угрозе применения (легального) насилия [North 1981]. Кроме того, это всегда наглядно. Разумеется, у каждого варианта решения будут разные отдаленные последствия.

Поведенческие аспекты стихийного спроса: условия формирования и возможные эффекты

Если отсутствует канал транслирования индивидуальных предпочтений по линии проектируемых изменений (с участием законодателя и/или регуляторов) или этот канал существует, но сильно зашумлен, то усиливается риск спонтанного движения, который может поставить под сомнение основные результаты каталлактического взаимодействия – конституционного выбора. Данная игра – с нулевой или даже отрицательной² в краткосрочном периоде суммой для всех [Murji, Solomos 2015, p. 156]. При этом в случае конституционного выбора игрок не может выбрать стратегию не играть в такую игру

² Примером реализацией игры с нулевой или отрицательной суммой может служить серия конфликтов в Украине и с ее участием [Charap, Colton 2018].

[Buchanan 1961]. Открытый вопрос: этот результат воспроизводится в условиях ограниченной информированности участников игры или же такое возможно и тогда, когда всем все известно и единственное, что мешает перейти к кооперативному варианту, – отсутствие стимулов и/или возможностей выработки достоверных обязательств, получении *de facto* преимуществ первого хода.

Означает ли сказанное, что именно по данной причине такой сценарий невозможен и потому может быть игнорирован? Нет. В этой связи можно сформулировать гипотезу о возможности неэффективного динамического равновесия в мире ограниченно рациональных индивидов и обсудить условия его возникновения.

Во-первых, это хорошая точка отсчета для обсуждения других альтернатив. А во-вторых, этот вариант вполне возможен именно в силу спонтанности и ограниченной рациональности, причем не только на уровне общества в целом или больших групп, но и на уровне отдельных индивидов. Это как в случае с эпидемией, но только в поведении людей. Потенциальная готовность есть у многих, но порог преодолевают немногие (явный протест сложившимся практикам). Но преодолимость порога – параметр сам по себе подвижный. И этот момент позволит объяснить, при чем тут поведенческая теория общественного выбора. Разумеется, данный тезис звучит странно: если выбор, то уж, наверное, и поведения. А вот и нет: вполне возможен выбор в пользу бездействия, “неповедения”.

Для запуска массового стихийного протеста как формы выражения спроса на институциональные изменения вполне может оказаться достаточно даже не предварительной коммуникации (современные технологии, включая социальные сети, показали, на что они способны [Guriev, Melnikov, Zhuravskaya 2019; Enikolopov, Makarin, Petrova 2020]), но и фокальных точек [Weingast 1997, p. 246; Шеллинг 2007], которые тоже могут быть связаны с информацией, непосредственно никак не направленной на организацию каких бы то ни было акций. То есть с информацией, непосредственно не находящейся в поле взаимодействия индивидов, чьи взаимосвязанные с точки зрения эффектов решения являются предметом исследования. В частности, это может быть некое действие со стороны власти, ставшее известным и расцененное подавляющим большинством как абсолютно неприемлемое, а потому в последующем оно может быть интерпретировано как провокация на протест.

Появление массового стихийного протеста может быть связано с так называемыми информационными каскадами [Ellis, Fender 2011], когда человек принимает решение на основе своих наблюдений за действиями других людей. Если в протесте участвует достаточное количество людей, то может произойти смещение режима. При этом, как показывают многочисленные примеры из истории, протестующие могут в итоге и не участвовать в дальнейшем управлении [Gallagher 2005], что может указывать на различия в мотивах у множества участников и бенефициаров стихийного спроса на изменения.

Информационные каскады влияют на скорость распространения стихийного протеста. Это может недооцениваться элитами, находящимися у власти. Данное обстоятельство позволяет объяснить, почему революции часто оказываются сюрпризом не только для аутсайдеров, но также и для инсайдеров. Развитие информационных технологий приводит к усилению действия информационных каскадов: индивиды могут использовать социальные сети как источник информации о действиях других агентов. Информационные каскады позволяют объяснить феномены “арабской весны”, восточноевропейских революций 1989 г., шафрановой революции и других событий.

Да, здесь вряд ли найдется свой счетчик типа Медиаскопа, но это – не решение проблемы, поскольку то, что в одном случае было бы ожидаемым, в другом может оказаться крайне неприятным сюрпризом, заранее подготовиться к которому с учетом быстроты разворачивающихся событий весьма проблематично. Кроме того, в свете проблемы фокальных точек вполне предсказуема реакция сторонников *status quo* по изъятию объек-

тов с указанными характеристиками из публичного доступа. Фактически это будет означать резкое (именно резкое, потому что под подозрение могут попасть и вполне безобидные “маяки”) ужесточение цезуры. Отсюда – вероятность нарастания ошибок первого рода в правоприменении³, которая может привести к снижению активности. На первый взгляд, это может трактоваться как благотворный результат, но в конечном счете это результат, который характеризует систему с нарушенной обратной связью, а значит, несет в себе зародыш новых, возможно более острых проблем. Более того, как известно, опасность ошибок первого рода состоит еще и в том, что они могут провоцировать так называемые эффекты “заслуженного наказания”, когда указанные ошибки *de facto* провоцируют действующих лиц на нарушение установленных правил.

Риски стихийного спроса на изменения

В чем проблема стихийного спроса и чем он опасен, какие риски и для кого генерирует? Основная проблема стихийного спроса на изменения тесно связана с механизмом его возникновения. Он вовсе не предполагает наличие (как рояль в кустах) хорошо (и даже наскоро) проработанной структурной альтернативы кроме общего лозунга “долой!” (в том числе долой коррупцию и коррупционеров из власти). Возможно, в ряде случаев спонтанность, стихийность формирования спроса допускает наличие и сравнение альтернатив, но только в качестве дополнения к более широкому процессу проектируемых институциональных изменений (как в любой системе расширенного порядка сотрудничества между людьми, по Ф. Хайеку).

С таким подходом, разумеется, мир до основания вполне можно разрушить, как в известной песне, из которой слов не выкинуть. Но вот что затем? Соответственно, как любой русский бунт – бессмысленный и беспощадный (А. Пушкин) – проявления стихийного спроса способны стать источником ускоренной деградации не только сложившегося социального порядка, но и составляющих его элементов – индивидов. Такая деградация может происходить множеством способов – посредством “голосования ногами” (ведь речь о нарушении конституционного выбора на определенной территории с более или менее определенными границами); изменения стратегии поведения; просто маргинализации тех, кто ранее задумывались об отдаленных последствиях индивидуальных и коллективных действий (что важно не только на уровне отдельного человека, но и общества в целом), а теперь довольствуется сиюминутными эффектами. Бунт как форма проявления стихийного спроса на изменения если и не закрывает, то значительно уменьшает возможности для компромиссов и эволюции.

В связи со стихийным спросом на изменения возникает отдельный вопрос: достаточно ли для его результативности, чтобы доля, поддерживающая эти изменения, оставалась квалифицированным большинством (например, в 2/3)? Стихийный спрос в его активной форме даже при значительно меньшей доле (скажем, 1/10) может привести к значительным изменениям (в том числе за счет действия информационных каскадов). Например, если взять условные цифры. Всего – 10 млн человек, из которых недовольных – 60% (по условиям в начале работы – большинство, пусть даже простое), а стихийно протестующих из них – 30%, из которых активно – 10%. Получаем $10\,000\,000 \times 0,6 \times 0,3 \times 0,1 = 180\,000$. Вопрос о динамике здесь также не рассматривается (заражение нормой, если вдруг традиция протестовать на улице станет частью такой нормы). В данном случае активность

³ Под ошибками первого рода в правоприменении понимают ситуацию, когда наказание получает лицо в случае отсутствия нарушения правил (сильная форма) или установленное нарушение связано с чрезмерно жестким наказанием (слабая форма). Ошибки правоприменения второго рода предполагают ненаказание нарушителя (сильная форма) или чрезмерно мягкое наказание за нарушение (слабая форма) [Joskow 2002; Mann, Райт 2011; Шаститко 2010; Шаститко 2011].

стихийного протеста совсем не обязательно означает насильственный протест. Этот вопрос здесь также не рассматривается. В истории вряд ли можно найти примеры, когда стихийный спрос на изменения был совместим с продуманными долгосрочными ориентирами⁴ тех, кто были его носителями (не путать с инициаторами и лидерами, у которых вполне может быть свой набор установок, в том числе значительно отличающихся от публично ими объявленных).

Что служит якорем для *status quo* (и в чем слабость стихийного протеста)? Это доля индивидов в обществе, которая, несмотря на все недовольство сложившейся ситуацией, сохраняет это недовольство в латентной форме (можно обозначить такую практику “кухонными разговорами” – термином, использовавшимся в советские времена как антоним публичных выступлений) или встраивает его в повседневную жизнь таким образом, что по сути это тоже может считаться формой протеста, но настолько далекой от гражданского неповиновения, что даже сразу и не поймешь – протест это или нет. Однако, на наш взгляд, степень распространения индифферентности к происходящему, при определенных условиях, например мобилизации⁵, вполне можно было бы рассматривать как специфическую форму протеста.

Индифферентность к происходящему как форма протеста может быть связана с широко исследуемым поведенческими экономистами эффектом владения (обладания) (*endowment effect*) – разницей между “готовностью платить” (*willingness to pay* – максимальной суммой, за которую люди готовы купить предмет) и “готовностью принимать” (*willingness to accept* – минимальной суммой, за которую люди готовы продать имеющийся у них предмет) [Делавинья 2011]. Данный эффект исследовался в том числе в связи с теоремой Коуза [Kahneman, Knetsch, Thaler 1990]: на рынках реализуются не все сделки, которые потенциально могли произойти (в соответствии с теоремой Коуза, если трансакционные издержки равны нулю, то конечное размещение ресурсов будет Парето-оптимальным вне зависимости первоначального распределения прав на них), что связано с тем, что люди владеющие некоторым предметом (продавцы), назначают цены в среднем в несколько раз превышающие цены, за которые покупатели готовы его приобрести. Эмпирические исследования демонстрируют, что это соотношение может достигать двух-трех раз: в метаисследовании [Horowitz, McConnell 2002] показано, что в среднем покупатели оценивают предметы в 2,6 раз дороже продавцов. Эффект владения на политических рынках может проявляться как смещение к сложившемуся *status quo*, который может не нравиться, но он известен, и он есть.

Более того, у индивида есть определенный опыт адаптации к характеристикам *status quo*. Замена на неизвестное будущее – проблема, которая может быть решена либо существенным разрывом в оценках (в том числе посредством идеализации будущего и/или драматизации *status quo*), либо значительным опытом – по аналогии с опытом обменов, когда эффект владения может сойти на нет [List 2004]. Для этого индивид должен ощущать, что он находится в процессе (кумулятивных) изменений (которые, к тому же, должны быть и позитивными с точки зрения эффектов). Причем это может быть не только он сам, но и его предшественники. И здесь важна историческая информация о действительности существующей системы. Контекст изучения эффекта владения важен потому, что он может указывать на наличие препятствий для перемещения активов так же, как и для изменения собственно институтов в направлении, связанном с максимальной оценкой носителями спроса на них.

Индифферентность к происходящему как форма протеста может выражаться в отсутствии последовательной и добровольной поддержки *status quo* в ситуациях, когда на нее

⁴ Лозунги типа “долой войну, царя; фабрики – рабочим, землю – крестьянам” не в счет.

⁵ В этой связи нельзя не вспомнить широко известное изречение “кто не с нами – тот против нас”. Однако если во многих случаях речь шла о занявших нейтральную позицию, в данном случае подразумевается более специфических случаев – как форма стихийного протеста.

есть запрос от властей. Это может также привести к деградации Левиафана [Acemoglu, Robinson 2019] – изменение роли государства от скованного к отсутствующему или деспотичному Левиафану [Шаститко 2020].

Обсуждение указанных вопросов, строго говоря, подводит к главному: каким образом и при каких условиях можно обеспечить сохранение позитивных результатов конституционного выбора даже при осознании его несовершенства и неприятии сложившихся практик институционального выбора теми или иными группами и даже подавляющим большинством? Каким образом обеспечивается такая селективность изменений, которая не затрагивает фундаментальных характеристик предшествовавшего конституционного выбора? Фактически здесь нужно искать что-то в виде институционального противовеса аналогу “безрассудных сделок” в повседневной жизни [Маккай 2019], о которых впоследствии можно сильно пожалеть, но в настоящем они искушают рекламируемыми яркими перспективами, с реалиями, скрывающимися за неопределенностью в будущем как в силу спорности самих сделок, так и с обусловленностью успеха последующими сделками.

* * *

В современном мире, где большинство людей живет в рутине повседневности, изменение сложившегося *status quo* может быть связано со значительным снижением качества жизни и выходом из зоны комфорта. При этом люди могут сознательно участвовать в стихийном протесте, один из вероятных эффектов которого – деградация существующего социального порядка, способная даже ухудшить положение самих участников. Вопрос о возможных причинах участия в стихийном спросе на институциональные изменения был рассмотрен нами с применением наработок теории общественного выбора и поведенческой экономики.

Несовершенство политических рынков может приводить к тому, что избиратели, индивидуальные предпочтения которых транслируются в коллективные решения, с высокой долей вероятности оказываются недовольными их распределительными последствиями. Это недовольство может транслироваться в виде сигнала о неприемлемости принимаемых институциональных решений (правил): в виде выборов (“голос”) и голосования ногами. В условиях несовершенства канала обратной связи, когда сигнализирование оказывается безуспешным, недовольство избирателей способно накапливаться в виде “снежного кома” и в результате некая незначительная проблема может обрести более масштабные черты. Недовольство, по сути, может рассматриваться как эффект “усталости” от *status quo*, которое не обязательно означает противодействие ему, но оказывается формой скрытой радикализации настроений в виде снижения степени поддержки *status quo*. Для перехода к активной фазе и запуска массового стихийного протеста может оказаться достаточно не только предварительной коммуникации, но даже фокальных точек. В результате это дает толчок к ужесточению цензуры, что, в свою очередь, может привести к нарастанию риска ошибок первого рода в правоприменении с соответствующими эффектами (например, заслуженного наказания).

Стихийный спрос может приводить к ускоренной деградации не только сложившегося социального порядка (переход к отсутствующему или деспотичному Левиафану, по Д. Ацемоглу (Acemoglu) и Дж. Робинсону), но также корректировке поведения и/или изменения структуры общества (в результате “голосования ногами”). Возможный отрицательный эффект стихийного спроса на институциональные изменения усиливается в случае перехода к активной фазе, так как в этом случае он обычно оказывается несовместимым с продуманными долгосрочными ориентирами его носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Делавина С. (2011) Психология и экономика: результаты эмпирических исследований. Часть I. Нестандартные предпочтения (предисловие С. Пястолова) // Вопросы экономики. №. 4. С. 47–77.
- Маккой Я. (2019) Право и экономика для континентальной правовой традиции. М.: Изд. Дом “Дело” РАНХиГС.
- Манн Дж.А., Райт Дж.Д. (2011). Инновации и пределы антимонопольной политики // Экономическая политика. № 1. С. 83–101.
- Меркуро Н., Медема С. (2019) Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее. М.: Издательство Института Гайдара.
- Тамбовцев В.Л. (2019) Идеи и интересы, экономическая политика и институты. // Вопросы экономики. № 5. С. 26–45.
- Шаститко А.Е. (2010) Верховенство права: предметное поле, экономические последствия, пути утверждения. М.: МАКС Пресс.
- Шаститко А.Е. (2011) Координационные и распределительные эффекты ошибок I и II рода // Экономическая политика. № 1. С. 114–124.
- Шаститко А. Е. (2020) Между Циццолой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона “Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы”) // Вопросы экономики. №. 1. С. 145–156.
- Шеллинг Т. (2007) Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006) *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2019) *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. UK: Penguin Press.
- Arrow K.J. (2012) *Social Choice and Individual Values*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Buchanan J. (1975) *The Limits of Liberty*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Buchanan J. M. (1961) Simple majority voting, game theory, and resource use // *Canadian Journal of Economics and Political Science/Revue canadienne de economiques et science politique*. Vol. 27. No. 3. Pp. 337–348.
- Charap S., Colton T. J. (2018) *Everyone loses: The Ukraine crisis and the ruinous contest for post-Soviet Eurasia*. New York: Routledge.
- Dasgupta A., Zibblatt D. (2015) How did Britain democratize? Views from the sovereign bond market // *The Journal of Economic History*. Vol. 75. No. 1. Pp. 1–29.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy* harper and row. New York: Harper.
- Ellis C. J., Fender J. (2011) Information cascades and revolutionary regime transitions // *The Economic Journal*. Vol. 121. No. 553. Pp. 763–792.
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social media and protest participation: Evidence from Russia // *Econometrica* (в печати).
- Enns P. K., Lagodny J., Schuldt J. P. (2017) Understanding the 2016 US presidential polls: The importance of hidden Trump supporters// *Statistics, Politics and Policy*. Vol. 8. No. 1. Pp. 41–63.
- Gallagher T. G. P. (2005) *Theft of a nation: Romania since communism*. London: Hurst.
- Grigoryev L., Pavlyushina V. (2020) Global recession and income inequality: Factors of disruption for elites in the twenty-first century // *Global Governance in Transformation*. Cham: Springer. Pp. 275–297.
- Guriey S., Melnikov N., Zhuravskaya E. (2019) 3G Internet and Confidence in Government // Working paper. Available at SSRN 3456747.
- Hayek F.A. (1944) *Road to Serfdom*. New York: Routledge.
- Hirschman A. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Horowitz J.K., McConnell K.E. (2002) A Review of WTA/WTP Studies // *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 44. No 3. Pp. 426–447.
- Hotelling H. (1929) Stability in competition // *Economic Journal*. Vol. 39. No. 153. Pp. 41–57.
- Joskow P.L. (2002) Transaction Cost Economics, Antitrust Rules and Remedies // *Journal of Law, Economics and Organization*. Vol. 18. No 1. P. 95–116.
- Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H. (1990) Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem // *Journal of Political Economy*. Vol.98. Pp. 1325–1348.

- List J. A. (2004) Neoclassical theory versus prospect theory: Evidence from the marketplace // *Econometrica*. Vol. 72. No. 2. Pp. 615–625.
- Murji K., Solomos J. (Eds.) (2015) *Theories of Race and Ethnicity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- North D.C. (1981) *Structure and change in economic history*. New York; London: W.W. Norton.
- Pelizzo R., Babones S. (2007) The political economy of polarized pluralism // *Party politics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 53–67.
- Przeworski A. (2009) Conquered or granted? A history of suffrage extensions // *British Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 2. Pp. 291–321.
- Rozin P., Royzman E. B. (2001) Negativity bias, negativity dominance, and contagion // *Personality and social psychology review*. Vol. 5. No. 4. Pp. 296–320.
- Shadmehr M. (2015) Extremism in revolutionary movements // *Games and Economic Behavior*. Vol. 94. Pp. 97–121.
- Weingast B. R. (1997) The political foundations of democracy and the rule of the law // *American political science review*. Vol. 91. No. 2. Pp. 245–263.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006) *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019) *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. UK: Penguin Press.
- Arrow K.J. (2012) *Social Choice and Individual Values*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Buchanan J. (1975) *The Limits of Liberty*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Buchanan J. M. (1961) Simple majority voting, game theory, and resource use. *Canadian Journal of Economics and Political Science/Revue canadienne de economiques et science politique*, vol. 27, no. 3, pp. 337–348.
- Charap S., Colton T. J. (2018) *Everyone loses: The Ukraine crisis and the ruinous contest for post-Soviet Eurasia*. New York: Routledge.
- Dasgupta A., Ziblatt D. (2015) How did Britain democratize? Views from the sovereign bond market. *The Journal of Economic History*, vol. 75, no. 1, pp. 1–29.
- Della Vigna S. (2011) Psihologiya i ekonomika: rezul'taty empiricheskikh issledovanij. CHast' I. Nestandartnye predpochteniya (predislovie S. Pyastolova) [Psychology and Economics: Evidence from the Field. Part I: Nonstandard Preferences (Introduction by S. Pyastolov)]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 47–77.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy harper and row*. New York: Harper.
- Ellis C. J., Fender J. (2011) Information cascades and revolutionary regime transitions. *The Economic Journal*, vol. 121, no. 553, pp. 763–792.
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social media and protest participation: Evidence from Russia. *Econometrica* (forthcoming).
- Enns P. K., Lagodny J., Schuldt J. P. (2017) Understanding the 2016 US presidential polls: The importance of hidden Trump supporters. *Statistics, Politics and Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 41–63.
- Gallagher T. G. P. (2005) *Theft of a nation: Romania since communism*. London: Hurst.
- Grigoryev L., Pavlyushina V. (2020) Global recession and income inequality: Factors of disruption for elites in the twenty-first century. *Global Governance in Transformation*. Cham: Springer, pp. 275–297.
- Guriev S., Melnikov N., Zhuravskaya E. (2019) 3G Internet and Confidence in Government. *Working paper*. Available at SSRN 3456747.
- Hayek F.A. (1944) *Road to Serfdom*. New York: Routledge.
- Hirschman A. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Horowitz John K., McConnell Kenneth E. (2002) A Review of WTA/WTP Studies. *Journal of Environmental Economics and Management*, vol. 44, no 3, pp. 426–447.
- Hotelling H. (1929) Stability in competition. *Economic Journal*, vol. 39, no. 153, pp. 41–57.
- Joskow P.L. (2002) Transaction Cost Economics, Antitrust Rules and Remedies. *Journal of Law, Economics and Organization*, vol. 18, no 1, pp. 95–116.
- Kahneman D, Knetsch J.L., Thaler R.H. (1990) Experimental Tests of the Endowment Effect and the Coase Theorem. *Journal of Political Economy*, vol. 98, pp. 1325–1348.

List J.A. (2004) Neoclassical theory versus prospect theory: Evidence from the marketplace. *Econometrica*, vol. 72, no. 2, pp. 615–625.

Makkay E. (2019) *Pravo i ekonomika dlya continentalnoy pravovoy traditsii* [Law and Economics for Civil Law Systems]. Moscow: Izd. Dom “Delo” RANKHiGS.

Manne G., Wright J. (2011) Innovatsii i predely antimonopol'noy politiki [Innovation and the limits of antitrust. *Journal of Competition Law and Economics*]. *Ekonomicheskaya politika*, no. 1, pp. 83–101.

Mercurio N., Medema S.G. (2019) *Ekonomicheskaya teoriya i pravo: ot Poznera k postmodernizmu i dalee*. [Economics and the Law: From Posner to Postmodernism and Beyond]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Murji K., Solomos J. (Eds.) (2015) *Theories of Race and Ethnicity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

North D.C. (1981) *Structure and change in economic history*. New York; London: W.W.Norton.

Pelizzo R., Babones S. (2007) The political economy of polarized pluralism. *Party politics*, vol. 1, no. 1, pp. 53–67.

Przeworski A. (2009) Conquered or granted? A history of suffrage extensions. *British Journal of Political Science*, vol. 39, no. 2, pp. 291–321.

Rozin P., Royzman E. B. (2001) Negativity bias, negativity dominance, and contagion. *Personality and social psychology review*, vol. 5, no. 4, pp. 296–320.

Schelling T.C. (2007) *Strategiya konflikta* [The Strategy of Conflict]. Moscow: IRISEN.

Shadmehr M. (2015) Extremism in revolutionary movements. *Games and Economic Behavior*, vol. 94, pp. 97–121.

Shastitko A. E. (2011) Koordinatsionnye i raspredelitel'nye efekty oshibok I i II roda [Coordination and distributional effects of type I and type II errors]. *Ekonomicheskaya politika*, no 1, pp. 114–124.

Shastitko A. E. (2020) Mezhdru Scilloy despotizma i Haribdoy social'nyh norm (O knige D. Adzhemoglu i Dzh. Robinsona “Uzkiy koridor: gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody”) [Between the Scylla of despotism and the Charybdis of social norms (On the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor: States, societies and the fate of freedom”)]. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 145–156.

Shastitko A.E. (2010) *Verhovenstvo prava: predmetnoe pole, ekonomicheskie posledstviya, puti utverzheniya* [The rule of law: subject field, economic consequences, ways of approval]. Moscow: MAKSS Press.

Tambovtsev V.L. (2019) Idei i interesy, ekonomicheskaya politika i instituty [Ideas and interests, economic policy and institutions]. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 26–45.

Weingast B. R. (1997) The political foundations of democracy and the rule of the law. *American political science review*, vol. 91, no. 2, pp. 245–263.